

Московская Епархия, Богородское благочиние,
Храм Тихвинской Иконы Божией Матери г.Погинска

Тихвинский листок №35

Август 2016 года

НЕДЕЛЯ 7-Я ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

Мф., 33 зач., 9, 27–35

Когда Иисус шел оттуда, за Ним следовали двое слепых и кричали: помилуй нас, Иисус, сын Давидов! Когда же Он пришел в дом, слепые приступили к Нему. И говорит им Иисус: веруете ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: ей, Господи! Тогда Он коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам. И открылись глаза их; и Иисус строго сказал им: смотрите, чтобы никто не узнал. А они, выйдя, разгласили о Нем по всей земле той. Когда же те выходили, то привели к Нему человека немного бесноватого. И когда бес был изгнан, немой стал говорить. И народ, удивляясь, говорил: никогда не бывало такого явления в Израиле. А фарисеи говорили: Он изгоняет бесов силою князя бесовского. И ходил Иисус по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях.

Раз за разом мы читаем и в Евангелии, и в Ветхом Завете о чудесах и, поистине, можем видеть их на протяжении веков в жизни Церкви: чудеса исцеления, чудеса обновления человеческой жизни силой Божией. И иногда люди – все мы – задаем себе вопрос: что такое чудо? Означает ли оно, что в момент его Бог насилует собственное творение, нарушает его законы, ломает что-то, Им Самим вызванное к жизни? Нет: если так, то это было бы магическим действием, это значило бы, что Бог сломил непослушное, подчинил силой то, что слабо по сравнению с Ним, Который силен.

Чудо – нечто совершенно иное; **чудо – это момент, когда восстанавливается гармония, нарушенная человеческим грехом.** Это может быть вспышка на мгновение, это может быть начало целой новой жизни: жизни гармонии между Богом и человеком, гармонии тварного мира со своим Творцом. В чуде восстанавливается то, что должно быть всегда; чудо не означает что-то неслыханное, неестественное, противное природе вещей, но наоборот, такое мгновение, когда Бог вступает в Свое творение и бывает им принят. И когда Он принят, Он может действовать в Своем творении свободно, державно.

Пример такого чуда мы видим в рассказе о том, что случилось в Кане Галилейской, когда Мать Божия обратилась ко Христу и на этом убогом сельском празднике сказала Ему: У них вино кончилось!.. Сердца людей еще жаждали человеческой радости, а вещество радости иссякло. И Христос обращается к Ней: Что между Мной и Тобой, почему Ты Мне говоришь это?.. И Она не отвечает Ему прямо; Она обращается к слугам и говорит: *Что бы Он ни сказал – то сделайте...* Она отзывается на вопрос Христов действием совершенной веры; Она неограниченно верит в Его мудрость и в Его любовь, и в Его Божественность. В это мгновение, потому что вера одного человека распахнула дверь для всякого, кто выполнит то, что ему сказано, Царство Божие водворяется, в мир вступает новое измерение вечности и бездонной глубины, и то, что было иначе невозможно, становится реальностью.

Здесь мы поставлены перед лицом тех необходимых условий, которые делают возможной эту восстановленную гармонию. Прежде всего, должна быть нужда, нужда реальная; не обязательно трагическая, она может быть и незатейливой, но она должна быть подлинной. Радость и горе, болезнь и подавленность в равной мере нуждаются быть приведенными в нечто большее, чем земля, в нечто такое же просторное и глубокое, как Божественная любовь и Божественная гармония.

Должна быть также беспомощность: **пока мы думаем, что мы можем что-то сделать сами, мы не даем пути Богу.** Мне вспоминаются слова одного западного святого, который говорил: когда мы в нужде, мы должны передать все попечение Богу, потому что тогда Он должен что-то сделать, чтобы спасти Свою честь... Да, пока мы воображаем себя хоть отчасти хозяевами положения, пока мы говорим: «Я сам, – Ты только немножко помоги» – мы не получим помощи, потому что эта помощь должна разметать все человеческие ухищрения.

И следующее – это Божественное сострадание, о котором мы слышим так часто в Евангелии: «милосердова Господь»... Христос страдает, Христос жалеет, и это значит, что Он посмотрел на этих людей, которые в нужде, которые ничем не могут облегчить свою нужду, и испытал боль в Своем Божественном сердце о том, что вот люди, чья жизнь должна быть полнотой и торжествующей радостью – а они измучены нуждой. Иногда это голод, иногда – болезнь, иногда – грех, смерть, одиночество: что угодно, но Божия любовь может быть только или ликующей, торжествующей радостью – или распинающей болью.

И вот, когда соприсутствуют все эти элементы, тогда устанавливается таинственная гармония между Божией скорбью и человеческой нуждой, человеческой беспомощностью и Божией силой, *любовью* Божией, которая выражается во всем: и в великом, и в малом.

Поэтому **научимся такой чистоте сердца, такой чистоте ума, которая сделает нас способными обращаться к Богу с нашей нуждой, не пряча от Него своего лица**: или, если мы недостойны приступить к Нему, то приступим, припадая земно к Его ногам, и скажем: Господи! Я недостойн, я недостойна! Я недостойн стоять перед Тобой, я недостойн Твоей любви, недостойн Твоего милосердия, но вместе с этим я знаю Твою любовь еще больше, чем я знаю свое достоинство; и вот, я прихожу к Тебе, потому что Ты – любовь и победа, потому что в жизни и в смерти Твоего Единородного Сына Ты явил мне, как дорого Ты меня ценишь: цена мне – вся Его жизнь, все страдание, вся смерть, сошествие во ад и ужас его, ради того, чтобы я только был спасен...

Станем же учиться этой творческой беспомощности, которая заключается в том, чтобы оставить всякую надежду на человеческую победу ради уверенного знания, что Бог может то, чего мы не можем. Пусть наша беспомощность будет прозрачностью, гибкостью, всецелым вниманием – и вручением Богу наших нужд; нужды в вечной жизни, но и незатейливых нужд нашей человеческой хрупкости: нужды в поддержке, нужды в утешении, нужды в милости. **И всегда Бог ответит: если хоть немножко можешь поверить, то всевозможно.** Аминь.

Митрополит Антоний Сурожский

ПЯТЫЙ ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР

Пятый Вселенский Собор (Константинопольский II) был в Константинополе, при святом благоверном царе Юстиниане I (527-565) в 553 году, для решения вопроса о правоверии трех давно умерших епископов: Феодора Мопсуетского, Феодорита Кирского и Ивы Эдесского, которые еще во времена Третьего Вселенского Собора (431; память 9 сентября) в своих писаниях выражали несторианские мнения. Так как Собор Халкидонский (451; память 16 июля), осудивший монофизитов и обвиняемый ими в несторианстве, не осудил трех указанных епископов (равно как и Третий Вселенский), то, чтобы отнять у евтихиан повод к обвинению православных в сочувствии несторианству и расположить еретичествующую партию к единению с последователями Халкидонского Собора, святой Юстиниан издал указ, в котором в трех отдельных "Главах" осуждались три упомянутых епископа. Но так как этот указ не был признан всеми представителями Церкви (особенно на Западе и, в частности, в Африке), то возник спор о "Трех главах". Для решения этого спора и был созван Пятый Вселенский Собор.

На этом Соборе присутствовало 165 епископов. Папа Вигилий (537-555), бывший в Константинополе, отказался участвовать в Соборе, хотя был три раза приглашаем официальной делегацией от имени собравшихся епископов и самого императора. Собор открылся под председательством святого Евтихия, Патриарха Константинопольского (552-565; 577-582). Согласно императорскому эдикту, дело о "Трех главах" было тщательно рассмотрено в продолжении восьми заседаний с 4 мая по 2 июня 553 года. Анафема (проклятие) была произнесена на лицо и на учение Феодора Мопсуетского безусловно; но относительно Феодорита и Ивы осуждение ограничилось только некоторыми сочинениями, лица же их как очищенные Халкидонским Собором без сомнения, вследствие раскаяния, были пощажены от анафемы. Необходимость этой меры была обусловлена тем, что в осужденных сочинениях содержались высказывания, позволявшие несторианам толковать в свою пользу определения Халкидонского Собора. Но снисхождение отцов Собора в духе икономии в отношении лично епископов Ивы и Феодорита ожесточило монофизитов против соборного решения. Несмотря на это, император повелел обнародовать соборное постановление, а Папу Вигилия как единомышленника еретиков наказать отлучением от Церкви. Впоследствии Папа согласился с общим мнением отцов и подписал соборное определение. Но епископы Истрии и вся область Аквилейского митрополита более века оставались в расколе.

На Соборе отцы рассматривали также заблуждения пресвитера Оригена, знаменитого церковного учителя III века. Его учение о предсуществовании человеческих душ было осуждено. Осуждены были также еретики, не признававшие общего воскресения мертвых.

Использованы материалы Православие.ру

Ответственный редактор: архимандрит Сергей (Шагаев)

Технический редактор: священник Сергей Макаров

Верстка: Ирина Тимошина